

ISSN 0042—8779

ИВН

**ВОПРОСЫ
ИСТОРИИ**

3

2002

Первая треть «бунташного века», особенно годы «пленения и конечного разорения Московского государства», — время чрезвычайно интенсивного развития отечественной публицистики. Известно свыше тридцати произведений той поры, отражающих перипетию «междоусобной брани». Происхождение этих памятников, их взаимосвязь, взгляды современников на истоки и события лихолетья неоднократно занимали историков-историографов, исследователей общественно-политической мысли. Рецензируемая книга доктора исторических наук Л. Е. Морозовой (Институт российской истории РАН), (некоторые ее разделы ранее публиковались в виде статей), представляет собой первый за столетие с лишним (с момента издания ставшей классической монографии С. Ф. Платонова) опыт комплексного анализа нарративных сочинений периода «разорения русского» и последующего десятилетия.

На основе математических методов Морозова рассматривает соотношение изучаемых памятников. Полученные таким образом результаты (по оценке автора, предварительные) в дальнейшем сопоставляются с выводами, полученными традиционными способами (текстологическим, палеографическим, кодикологическим, сравнительно-историческим).

Наиболее обстоятельно автор разбирает Сказание Авраамия Палицына и первую редакцию его начальных глав, Летописную книгу о Смутном времени, рукопись Филарета и Новый летописец. В отведенной последней главе высказано немало важных наблюдений по поводу источников памятника. Вопрос о зависимости того или иного произведения от остальных, либо его влиянии на более поздние сочинения вообще является в книге едва ли не центральным. Если налицо сходство между двумя памятниками, к примеру общая фактическая ошибка, Морозова считает возможным говорить о вторичности одного из них, который ей представляется более поздним. Думается, такая убежденность не всегда оправдана.

При стремлении к комплексному анализу посвященных «беде во всей России» публицистических сочинений Морозова обошла вниманием Сказание о Расстриге, изданное А. Н. Поповым, Повесть о Смуте из статейного списка русского посольства 1606—1607 гг. в Речь Посполитую, Писание Н. Ф. Фофанова, напечатанное в Нижнем Новгороде, Повесть об освобождении Москвы

и Земском соборе 1613 г., первую редакцию Сказания о поставлении Филарета на патриаршество, Повесть о победах Московского государства, а также многочисленные произведения, возникшие в Поволжье и на севере страны. Специальному разбору не подвергается Пискаревский летописец — крупнейший памятник частного летописания первой половины XVII века. Вне поля зрения автора оказывается и вопрос об имевшейся в распоряжении В. Н. Татищева Истории патриаршего келейника Иосифа, представлявшейся В. И. Корецкому основным источником Временника И. Тимофеева и Нового летописца.

В монографии остались неучтенными результаты изысканий С. В. Лихолата, Г. П. Енина, И. О. Тюменцева, М. Б. Плюхановой, И. Ю. Серовой, А. М. Зотова. Дискуссионный вопрос об источниках главы Нового летописца, сообщающей о «сибирском взятии», обсуждался в работах С. В. Бахрушина, А. И. Андреева, В. И. Сергеева, Е. К. Ромодановской, А. В. Лаврентьева, В. Г. Вовиной, однако в книге на них даже нет ссылок. (Морозова, кстати принимает эту главу за самое раннее повествование о разгроме «Кучумова царства», забывая о Соловецком, Поволжском, Сольвычегодском и Пискаревском летописцах.) Выводы ряда ученых переданы в книге неточно (с. 15, 31, 136, 141—142).

Признавая необходимость изучения рукописной традиции произведений современников Смуты, автор ограничивается привлечением лишь одного, прежде неизвестного списка Сказания Авраамия Палицына. Всего же рукописей «книги» троюцкого келаря, по ее словам, сохранилось более 150 или почти 200. В действительности же их известно свыше 250. Морозова упоминает о полсотне с лишним списках Нового летописца (с. 20). По данным В. Г. Вовиной, их 80 или несколько больше. Кроме того, списки Нового летописца есть в библиотеках Киева и Ульяновска. Морозова пишет о единственной рукописи Сказания о Самозванце (с. 29, 124). На самом деле уцелела еще одна, причем с иной редакцией¹. В единственном списке, как уверяет автор, до нас дошли и Слова И. А. Хворостинина (с. 340). В статье Е. П. Семенович, на которую ссылается автор, однако, сказано о четырех списках этого сочинения. Неизвестен Морозовой и обнаруженный Е. В. Колосовой в Егоровском списке вариант Повести о Федоре Ивановиче.

По заключению Морозовой, Иов написал

Житие преемника Грозного в 1598 г., когда Борис Годунов боролся за корону (с. 22, 39, 55, 85, 93, 179, 368, 441). Думается, это случилось позднее. Ведь согласно упомянутой Повести, в 1591 г. Федор Иванович возложил «златокованную цепь» — символ «великого своего самодержавного царствия» на шею Борису, тем самым предвещая, что тот станет его наследником. Так вскоре и произошло. Патриарх сообщает и про повеление Годунова «своему царьскому синклиту» целовать крест вдове Федора Ирине².

Не более убедительны и предлагаемые в книге атрибуции ряда произведений. Нам уже приходилось оспаривать одну из них — относительно Нового летописца³. В пользу мнения о принадлежности его Киприану Староруссенкову (точнее, Старорушанину) Морозова приводит еще один довод: в Толбольшке у этого владыки сложились натянутые отношения с местным воеводой И. М. Катыревым-Ростовским, о котором неприязненно говорится в летописце (с. 433). Однако в бытность Киприана в сибирской «столице» там воеводствовали М. М. Годунов и Ю. Я. Сулешов⁴. Морозова находит, что Сказание о Гришке Отрепьеве вышло из-под пера М. И. Татищева, который, судя по его челобитной, был «книжным человеком», местничал с В. Щелкаловым, названным публицистом сообщником Бориса Годунова, знал хранившиеся в отцовском доме «разряды» (с. 100—102, 104, 109, 441). Но разрядные записи являлись собственностью едва ли не всех видных дворянских фамилий. О Щелкалове в той же связи читаем в Пискаревском летописце и тимофеевской «хартице». Морозова не сумела выявить сходство челобитной М. И. Татищева и Сказания в изложении фактов и по стилю. Морозовой кажется, что этот думный дворянин, затем окольный (она почему-то называет его думным дьяком Посольского приказа) скрыл свое имя, поскольку разоблачавшее Годунова и первого самозванца произведение, возможно, распространялось подобно царской грамоте. Но ведь в Повести о видении некоему мужу духовну, которую, вероятно, рассылали по уездным городам из Москвы, прямо говорится о ее создателе. Автор Сказания был очевидцем, если не участником борьбы между царскими войсками и отрядами самозванца в южнорусских уездах, а затем похода Лжедмитрия из Тулы к Москве. М. И. Татищев же, посланный Борисом Годуновым в Грузию, вернулся на родину только осенью 1605 года.

Морозова полагает, что Рукопись Филарета составлялась в 1626 г. при участии Я. П. Барятинского или его родственников,

так как здесь он указан в числе московских послов, отправившихся в 1610 г. под Смоленск, а в официальном перечне этих послов захудалый князь упомянут вслед за стольником Б. И. Пушкиным, о котором в Рукописи не сказано, якобы в местнических целях (с. 276—277). Следует иметь в виду, что Барятинский умер в Речи Посполитой до лета 1619 года. В Рукописи, служащей лишь черновиком, фамилия Пушкина при передаче источника могла быть механически пропущена, да и вряд ли эта рукопись могла приниматься во внимание при рассмотрении местнических тяжб (в отличие от документов, прежде всего «разрядов»).

Морозовой представляется, что Повесть, како отомсти написана иноком не Чудова, а Троице-Сергиева монастыря, ибо в ней подробно говорится о пребывании мощей царевича Дмитрия в Троице, известной своими книжниками (с. 110). Напомним, что крупным литературным центром рубежа XVI—XVII вв. являлась и обитель Михаила Архангела. Судя по Повести, ее автор мог быть чудовским монахом, поневоле (при Лжедмитрии I) отправившимся в Троицу, а с воцарением Шуйского вернувшимся в Москву. На взгляд Морозовой, статьи о Смуте из хронографа 1617 г. вышли не из среды духовенства (с. 193). В известной автору работе П. Г. Васенко пришел к иному заключению, которое в книге не оспаривается.

По предположению Морозовой, «Сказание, ких ради грех» сочинили троицкие иноки Алексей Тихонов и книгохранитель Дорофей, участвовавшие в написании монастырских грамот, а Новую повесть — дьяк С. Евдокимов, летом 1610 г. призвавший сибирских воевод к борьбе с поляками и «калужским вором» (с. 156, 169, 170, 442). Но, как указывает сама Морозова, грамоту аналогичного содержания тогда же отправил дьяк И. Яфимов (точнее, Ефанов). Сведения о литературной деятельности Евдокимова, Тихонова и Дорофея в монографии не приводятся, поэтому высказанные автором мнения должны считаться гадательными.

Таковыми следует признать и многие другие соображения Морозовой насчет истории появления анализируемых источников и взглядов их создателей.

С точки зрения Морозовой, говоря, что за опричный разгром Новгорода Москва наполнилась «сеченых по всем улицам от конца до конца», автор «Сказания, ких ради грех» мог иметь в виду не разорение «царствующего града» 19 марта 1611 г., а события в столице при свержении Шуйского, к примеру, пожар в Кремле (с. 168). Однако в источниках не сохранились сведения о таком

погроме. Публицист, несомненно, имел в виду гибель Москвы «в приход» Девлет-Гирея (подобно Тимофееву), а вовсе не трагедию, недавно пережитую «Новым Римом». Морозова констатирует, что «не наблюдается близость» сочинения Тимофеева «с другими памятниками» начала XVII в., но сама обращает внимание на созвучность «писания» дьяка Плачу о пленении и хворостининским Словам (с. 154, 301, 342).

Морозова сочла, что Временник зависит от Истории о великом князе московском (с. 184, 188). Вопреки утверждению автора, А. М. Курбский не писал, что царь Иван «приглед чужих» и изгонял вельмож в другие страны; о преследованиях же Грозным «своеверных» и разделении им страны на опричнину и земщину речь идет и в Летописной книге, Пискаревском и Поволжском летописцах.

Мнению Морозовой о Временнике как источнике Хронографа 1617 г. противоречит уже то обстоятельство, что ряд сообщений Тимофеева относится к 1620-м годам. Морозова думает, что в той части Временника, которая сложилась в Новгороде, обосновывается мысль о необходимости «отделения... от Российского государства» (с. 187, 188, 442). Как показано Н. П. Долининым, Тимофееву были чужды сепаратистские настроения, да и сведения о жизни дьяка в оккупированном Новгороде, обнаруженные Л. В. Черепниным и М. П. Лукичевым, противоречат мнению Морозовой. Кстати, Тимофеев сокрушался относительно призывания русскими на помощь в годы «межусобия земнаго» не поляков, как она пишет, а шведов⁶.

Морозова старается доказать, что «книга осадного сидения», упомянутая в описи книг Троице-Сергиева монастыря за 1641/1642 г. и некоторых нарративных памятниках, — это не сочинение Авраамия Палицына. Но так называлось и его Сказание⁶.

По заключению автора, Пискаревский летописец завершен в Кирилло-Белозерском монастыре, судьбе которого посвящены его последние сообщения (с. 349, 445). Скорее всего эти сообщения, за которыми, кстати, следует еще несколько заметок, попали в данную компиляцию из какого-то краткого летописца северорусского происхождения.

Автор утверждает, что в Сказании о Гришке Отрепьеве неверно говорится о ссылке Нагих после угличского дела, их отправили в Пелым (с. 103, 379). Ошибку допустила сама Морозова. В Сказании говорится о высылке родственников бывшей царицы в Сибирь и Пермь; данных о пребывании Нагих в Пелыме нет.

Морозова пришла к выводу, что свидетельства о расправе Г. И. Микулина со стрельцами и «крестоцеловальной записи» царя Василия попали в Новый летописец из Пискаревского. Более вероятно, что они восходят к одним и тем же документальным источникам — упомянутой записи и «распросным речам» секретарей Лжедмитрия I Бучинских.

По допущению Морозовой, о разрушении оползем нижегородской Печорской обители в 1597 г. автор Нового летописца узнал из монастырской грамоты (с. 385, 402, 404). Ввиду многочисленных неточностей в летописном рассказе, отмеченных А. А. Романовой, такое заключение должно считаться успешным. Морозова не исключает, что Рукопись Филарета редактировалась самим патриархом (с. 296), но не сличила почерки этого памятника с автографами старшего «Никитича». Вывод о том, что в основе Рукописи, Повести Катырева и Летописной книги С. И. Шаховского лежит общий источник — незаконченное сочинение Хворостинина — нуждается в более развернутой аргументации. Мысль о троичном происхождении Иного сказания, повторяющая, кстати, взгляд В. Л. Комаровича, вообще не обосновывается (с. 251, 444).

В книге нередки противоречия и фактические ошибки. Так, Повесть, како восхити объявляется неофициальным сочинением, поскольку смерть Ивана IV там отнесена к 18 марта. Ту же дату встречаем в Сказании о Гришке Отрепьеве, которое Морозова считает вышедшим из придворных кругов. Московский пожар, о котором говорится в Пискаревском летописце, приурочивается то к 1591, то (верно!) к 1594 году. По-разному датируется и свадьба Василия Шуйского. Карамзинский хронограф, доведенный, попутно заметим до 1644 г., Морозова признает источником Нового летописца редакции конца 1620-х годов. Вместе с тем она указывает на использование в них одних и тех же «рядов». По словам Морозовой, Повесть о патриархе Иове возникла не ранее то 1652, то 1654 г., то, видимо, в 1654 г. (с. 44, 47, 11, 138, 174, 251, 349, 383, 392, 397, 405—410 и др.). Автор утверждает, будто Ф. Нагого не стало в 1583 или к 1584 г. (с. 103, 222, 370). В действительности это произошло около 1590 г., если не позже⁷. Царевна Феодосия скончалась не в 1594, а в 1593 г., до 26 сентября. Ее мать Ирина (в иночестве Александра) умерла не 5 октября, как пишет Морозова, а 26 сентября 1603 года. Симеона Бекбулатовича сослали в кашинское село Кушалино по меньшей мере на три года раньше⁸, чем представлено в книге (с. 34,

125, 384). В указателе к ней небезызвестный Хлопко назван Косолапом, а думный дворянин Г. М. Полтев — старейшиной, выборный дворянин по Ржеву Д. В. Жеребцов превращен в стольника Д. С. Жеребцова, брат Александра Невского Андрей — в его сына, крымские царевичи Мурат и Фети Гирей названы ханами, Ф. И. Мстиславский «произведен» в конюшье, а Ермак — в воеводы (с. 448—452, 456—459).

Подчас Морозова находит малоубедительными выводы своих предшественников, но по каким мотивам, не поясняет (с. 182, 204). Если бы ей были знакомы работы М. И. Белова, она рассталась бы с сомнениями относительно строительства мангазейского острога В. М. Рубцом-Мосальским (с. 387).

Библиографические неточности в монографии не поддаются подсчету (с. 9—12, 14, 19, 28, 31—33, 54, 108, 110, 140, 170, 174, 192, 203, 255 и др.). Есть даже ссылки на несуществующие издания. Например, широко известный «Изборник» А. Н. Попова, опубликованный в 1869 г., представлен как вышедшие в 1887 г. «Статьи по русской истории в хронографах русской редакции» (с. 30; далее — с. 189, 392 — эта книга названа правильно). В «Русском летописании» (М. 1979), очевидно, М. Н. Тихомирова, оказывается, была помещена работа об атрибуциях Пискаревского летописца (с. 31), опубликованная на самом деле в 1990 году. Обильны в книге и опечатки (с. 136, 139, 159, 181, 183, 194, 202, 235, 252, 284, 312, 325, 345, 356 и др.).

Так выглядит попытка Морозовой воссоздать творческую историю большинства публицистических памятников «разорения

русского» и первых «послесмутных» лет, а также процесс осмысления современниками тогдашних событий в целом.

Я. Г. СОЛОДКИН

Примечания

1. КУКУШКИНА М. В. Неизвестное «Писание» о начале «Смуты». — Труды Отдела древнерусской литературы. Т. XXI. М.-Л. 1965, с. 194—199.
2. Памятники литературы Древней Руси. Конец XVI — начало XVII веков. М. 1987, с. 110, 124.
3. Исторические записки. Вып. 3. Воронеж. 1998, с. 23—24.
4. ВЕРШИНИН Е. В. Воеводское управление в Сибири (XVII век). Екатеринбург. 1998, с. 105, 106, 171.
5. ПОЛОСИН И. И. Социально-политическая история России XVI — начала XVII в. М.-Л. 1963, с. 266, 320, 343.
6. КЛОСС Б. М. Никоновский свод и русские летописи XVI—XVII веков. М. 1980, с. 276; Российский государственный архив древних актов, ф. 357, № 57, л. 1; Отдел рукописей Российской государственной библиотеки, ф. 292, № 18, л. 105—242.
7. ЗИМИН А. А. В канун грозных потрясений. Предпосылки первой Крестьянской войны в России. М. 1986, с. 111.
8. КУШЕВА Е. Н. К истории холопства в конце XVI — начале XVII веков. Исторические записки. Кн. 15. М. 1945, прим. 8; КОРЕЦКИЙ В. И. Формирование крепостного права и первая Крестьянская война в России. М. 1975, с. 196—197, 224; Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря. М. 1987, с. 28.

N. BOŠKOVSKA. *Die russische Frau im 17. Jahrhundert*. Köln, Weimar, Wien. Bohlau Verlag. 1998. 497 S.

Н. БОШКОВСКА. *Русская женщина в XVII столетии*

Как жили женщины в России в XVII веке? Какую роль играли они в семейной, хозяйственной, общественной и религиозной жизни? Действительно ли жительницы Московского государства вели печальное существование в замкнутых «теремах», а их общественный статус был необычайно низок? Такие и подобные им вопросы ставятся и анализируются в книге Нады Бошковской, сотрудницы Цюрихского и Базельского университетов. Она специализируется в области истории Московского царства и истории стран Балканского полуострова в XX веке. Работая в архивах Москвы и Петербурга,

изучив богатую литературу по этому вопросу, автор создал труд, во многом пересматривающий традиционные до недавнего времени взгляды на русских женщин и вообще на «варварских» москвитов XVII века.

Бошковска подробно разбирает разные стороны личной и общественной жизни русских женщин XVII века. Она начинает свое изложение с анализа личных взаимоотношений мужчины и женщины (женитьба и брак, в том числе и идеал супружества и его реальность, насильственный брак и противодействие женщины ему, расторжение брака — уход в монастырь, изгнание жены из